

ЧЕЛОВЕК. НАУКА. КУЛЬТУРА

УДК 101.9+174

DOI: 10.26456/vtphilos/2022.3.005

ЭТИЧЕСКИЙ КОДЕКС ФИЛОСОФА: PRO ET CONTRA

**И.А. Беляев¹, Б.В. Марков², Г.Л. Тульчинский³, А.М. Максимов⁴,
С.Н. Некрасов^{5,6}, Р.Л. Лившиц⁷, В.А. Бажанов⁸, Р.Г. Апресян⁹**

¹ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет», г. Оренбург

²ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»,
г. Санкт-Петербург

³ ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики», г. Санкт-Петербург

⁴ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный аграрный университет»,
г. Оренбург

⁵ФГБОУ ВО «Уральский государственный аграрный университет»,
г. Екатеринбург

⁶ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени
первого президента России Б. Н. Ельцина», г. Екатеринбург

⁷ФГБОУ ВО «Амурский гуманитарно-педагогический
государственный университет», г. Комсомольск-на-Амуре

⁸ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет», г. Ульяновск

⁹Институт философии РАН, г. Москва

В рамках круглого стола велась дискуссия о необходимости и возможности кодификации этической регуляции различных сторон профессиональной деятельности философов. И.А. Беляев констатирует наличие ситуации глубокого проникновения социальной имитации в сферу философии и объявляет это категорически неприемлемым. Важным условием исправления сложившейся ситуации он полагает разработку и внедрение в жизнь философского сообщества документа, этически регламентирующего профессиональную деятельность его членов. Б.В. Марков высказывает и развивает мысль о том, что мораль может выступать источником конфликта. Анализируя различные стороны этической и правовой регуляции межлического взаимодействия, он указывает на сложности этого процесса и на потребность его участников в соответствующих нормах. Г.Л. Тульчинский подвергает сомнению идею этического комплекса философа. Рассматривая данную идею как странную, он мотивирует это тем, что, с одной стороны, философам, ищущим ответы на «предельные» вопросы бытия, такой кодекс не нужен; с другой же стороны, согласно его представлениям, в среде преподавателей философии соответствующие кодексы уже действуют. А.М. Максимов фокусирует внимание на этическом измерении свободы философа. Указывая на обязательность опоры на моральные нормы, он подчёркивает безальтернативность их кодифи-

© Беляев И.А., Марков Б.В., Тульчинский Г.Л., Максимов А.М., Некрасов С.Н., Лившиц Р.Л., Бажанов В.А., Апресян Р.Г., 2022

кации. С.Н. Некрасов в своих рассуждениях делает акцент на актуальности классово ориентированной материалистической марксистской философии. Основой требующегося философам этического кодекса он полагает призвание философии преодолевать настоящее и растворяться в будущем. Р.Л. Лившиц ведёт речь о важности понимания того, «кто в философском сообществе есть действительно кто?». Заявляя о необходимости кодификации этических норм, регулирующих деятельность философского сообщества, он высказывает по этому поводу ряд практических соображений. В.А. Бажанов выступает убеждённым сторонником кодификации этических норм применительно к профессиональной деятельности философа. Анализируя специфику этой деятельности в аспекте должного, он демонстрирует этическую насыщенность её отдельных составляющих. Р.Г. Апресян полагает идею этического кодекса философа бессмысленной и вредной. Будучи уверенным в том, что в сфере философии нет никаких проблем, не являющихся общеакадемическими, он утверждает, что этот факт снимает вопрос относительно обсуждаемого кодекса.

Ключевые слова: *академическая этика, конфликт, мораль, ответственность, свобода, социальная имитация, философ, философия, философское сообщество, этический кодекс.*

Введение

Философский круглый стол, материалы которого представлены ниже, был организован по инициативе В.А. Бажанова и И.А. Беляева. Осознавая наличие множества негативных явлений и процессов, ставших едва ли не обыденными для философского сообщества и его членов, но не решаемых за счёт применения имеющихся в их распоряжении средств и механизмов, инициаторы предложили коллегам обсудить необходимость и возможность кодификации этической регуляции различных сторон профессиональной деятельности философов. В заседании круглого стола, проведённого в онлайн-режиме, приняли участие философы из Оренбурга, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Комсомольска-на-Амуре, Ульяновска и Москвы. Публикуемые дискуссионные материалы посвящены изложению взглядов участников относительно актуальности/неактуальности этического кодекса философа. Темы отдельных рассуждений сформулированы их авторами.

И.А. Беляев

**Этические ориентиры философа в условиях засилья
социальной имитации**

**Philosopher's ethical guides under the conditions of stranglehold of
social imitation**

Попробую поделиться своими мыслями и эмоциями относительно того, что допустимо полагать отвратительным в жизни современных философов.

Отвратительным, на мой взгляд, является, прежде всего, проникновение социальной имитации в жизнь философского сообщества и, соответственно, преуспевание в нём околофилософских маргиналов-имитаторов, ловких в бытовых, по сути, мелочах, но проявляющих беспомощность на самых дальних подступах к тайнам бытия.

Далеко не каждый из тех, кого принято относить к числу членов философского сообщества, склонен признавать реальность происходящего. Более того, многие наши коллеги, получившие известность благодаря по-настоящему высоким профессиональным достоинствам, просто не могут предположить, что какой-либо индивид, претендующий на то, чтобы его признавали философом, способен всерьёз полагать, что ложь и присвоение плодов чужого труда не только допустимы, но и едва ли не обязательны для соответствия искомому статусу!

Отечественные философы работают, как правило, в должностях вузовских преподавателей. При этом одни преподают хорошо, о других же ничего подобного сказать нельзя. Но вне зависимости от качества преподавания практически каждому из них приходится вести учебные занятия в таком объёме, что годовая сумма часов порой кажется неправдоподобной даже им самим. Мало того, преподаватели вынуждены сочинять и тиражировать не имеющие прямого отношения к образовательному процессу вуза «учебные документы», годовая масса которых тяготеет к «плюс бесконечности». О других обязанностях преподавателей умолчу...

И вот на фоне всего этого преподавателю «спускают» задание по «публикационной активности». Хочешь не хочешь – публикуйся! Можно, конечно же, не публиковаться, но тогда возникает призрак увольнения, который нередко материализуется. В большинстве российских регионов увольнение из вуза – конец карьеры преподавателя. Поэтому философы-преподаватели пишут и публикуются вне зависимости от того, способны ли они вообще или в сложившейся ситуации написать что-то настоящее, философски ценное.

Философы-профессионалы [4] – авторы теоретически состоятельных работ – люди рефлексирующие, сомневающиеся, в частности в качестве того, что они пишут. А вот маргиналы-имитаторы [4] о своей неспособности писать часто даже не догадываются и создают такое, что Козьма Прутков порой корчится и стонет от зависти. Всё чаще и чаще задача фабрикация текста решается ими посредством «некорректных заимствований», в том числе переводного плагиата. Но «написать» хоть что-то – мало. И даже «вписаться» в число авторов заведомо чужого тоже мало! Надо ещё это что-то опубликовать.

Подлинными профессионалами, для которых поиск истины стал образом жизни, пишут вдумчиво, с чувством, с толком, с расстановкой; им есть что сказать людям, но времени и сил на генерацию, обоснование и оформление оригинальных идей обычно уходит много. Их работы, попавшие в серьёзные, по-настоящему авторитетные издания, публикуются раньше или

позже. Причём «позже» обычно чаще, чем «раньше». В связи с этим даже высокопрофессиональные философы-исследователи публикуют сравнительно немного эвристически ценных работ. В отличие от них маргиналы-имитаторы «пишут» быстро – как вечер, так статья. Журналы и сборники с реальным рецензированием их статьи, конечно же, отвергают. Но есть квазипрофессиональные, по сути, издания (причём не только пресловутые сборники материалов заочных конференций, но и журналы, входящие в известный в нашей стране перечень ВАК или же индексируемые в зарубежных базах данных Scopus и Web of Science), которые за деньги «берут» всё подряд. Вследствие происходящего пространство существования философских текстов не столько заполняется, сколько засоряется.

Приходит время отчёта философов-преподавателей о «научной работе», и тут маргиналы-имитаторы, конечно же, оказываются «на коне». Их списки публикаций за отчётный период нередко содержат больше пунктов, чем аналогичные списки тех, кто живёт философией. А значит, согласно представлениям менеджеров от образования, они «работают лучше, эффективнее»! В их списках даже встречаются публикации в изданиях, коммерчески «освоивших» Scopus и Web of Science. И это ничего, что издания хищные, без реального рецензирования публикуемых статей и часто с фантастически высокой платой за «факт публикации». Реального рецензирования маргиналы-имитаторы боятся, как чёрт ладана, заплатить же десятки, а иногда и сотни тысяч рублей для них не проблема: во-первых, они группируются и делят требуемую сумму на множество «соавторов»; во-вторых, во многих вузах реализуется практика премирования преподавателей, публикующих статьи в изданиях, индексируемых в соответствующих базах данных.

Таковы некоторые черты «философского бульона», в котором вынуждены вариться многие современные отечественные любители мудрости. Можно, конечно же, как расширить, причём весьма существенно, сказанное, так и приплюсовать иные свидетельства неблагополучия разных сторон жизни людей, тем или иным образом причастных к философии, однако ни то, ни другое не внесёт принципиальных изменений в общую картину происходящего...

Думается, что нравственную деградацию довольно весомой части того, что принято именовать философским сообществом, не стоит безоглядно «изымать» из социального контекста; если снять с себя «розовые очки», то придётся признать, что она являет собой суммативно-кумулятивный результат засилья социальной имитации во всех сферах общественной жизни. Соответственно, стремление исправить сложившуюся ситуацию без привлечения общероссийских административно-правовых ресурсов, т. е. исключительно посредством конкретизации и кодификации этических ориентиров философов, успеха не принесёт, в этом нет никакого сомнения. Тем не менее осуществить изменение ситуации к лучшему без этической составляющей невозможно.

Реально существующие этические ориентиры философов-профессионалов можно разделить на две группы: априорно-интуитивные и апостериорно-кодифицированные. Замечу, что первые имеют многовековую историю сколько-нибудь продуктивного функционирования, однако их словесная артикуляция затруднительна. Вторые, чье оформление началось сравнительно недавно, оказались результатом обобщения опыта следования первым. Если априорно-интуитивные ориентиры вовсе не очевидны и, как следствие, трудноуловимы для стороннего наблюдателя, то апостериорно-кодифицированные в наши дни в своих локальных совокупностях вполне явственно выступают как профессионально-этические кодексы [3] (например, кодексы академических сообществ [10]) или как этические разделы на сайтах научных рецензируемых журналов¹.

Для философов-профессионалов необходимость следования этическим ориентирам, отнесённым к обеим выделенным группам, является очевидной. Причём ориентиры второй группы им самим, в общем-то, не нужны... Истинный философский профессионализм заключается, в частности, в прочном закреплении во внутреннем мире индивидов представлений о безальтернативности следования ориентирам первой группы.

Далее стоит охарактеризовать отношение к этическим ориентирам околос философских маргиналов-имитаторов. Ориентиры первой группы для них – это нечто непонятное и неинтересное, т. к. они требуют от человека интеллектуальных и эмоциональных усилий для их осознания, сами по себе ничем не угрожают и не сулят никаких выгод. А вот ориентиры второй группы могут (хотя и не всегда) более или менее устойчиво привлекать маргиналов по причине их, с одной стороны, доступности и наглядности, а с другой стороны, сопряжённости с какими-то, хотя бы палитивными, санкциями.

Думается, что всё сказанное выше допустимо признать свидетельством необходимости предельно аккуратного, бережного преобразования этически-интуитивного в этически-кодифицированное. Иными словами, налицо потребность философского сообщества в хорошо продуманном документе, содержащем этические регулятивы профессионального существования его членов.

Добавить к этому стоит следующее: полагаю, что Этический кодекс философа (название текста может оказаться и иным) должен быть предельно лаконичным документом, фиксирующим интуитивно понятные и, в целом, вполне известные этические постулаты. Данный документ стоит дополнить корпусом документов, ненавязчиво и вместе с тем недвусмысленно регламентирующих самые разные виды деятельности причастных к философии индивидов, такие, например, как рецензирование, редактирование,

---

¹ См.: Вопросы философии (<http://vphil.ru/>); Философские науки (<https://www.phisci.info/jour/about/editorialPolicies#custom-1>); Человек (<https://chelovek.iphras.ru/>) и др.

оппонирующие и т. п. Замечу, что документы подобного рода, не имеющие, правда, основы в виде кодекса, существуют далеко не первый день. В частности, практически все причастные к философии журналы размещают на своих сайтах материалы по публикационной этике...

Теперь надо высказать мысль о том, годится ли этический кодекс философа на роль радикального средства борьбы против многоглавого Дракона свинцовых мерзостей, поразивших философское сообщество.

Думается, что сам по себе кодекс такого рода ни на что подобное не годится. Главное оружие против этого Дракона – честь и мужество настоящего профессионального философа; этический же кодекс философа – опосредующий момент функционирования главного оружия.

Содержание Этического кодекса философа призвано, в первую очередь, стать опорой подлинных, воистину профессиональных философов при сдерживании ими философских маргиналов-имитаторов, которые не только сами творят непотребное, но и зачастую выступают примером для подрастающего поколения. Пример не должный, но у молодёжи, как правило, нет твердых этических ориентиров, нет чёткого понимания того, «что такое хорошо и что такое плохо». Да и «под гору» двигаться легче, чем «в гору». Соответственно, содержание обсуждаемого документа призвано, во-вторых, помочь околофилософской молодёжи усвоить, что философия не может быть «второй свежести», что философствование требует честности, самокритики, непрестанного самоопределения и готовности к исповеди, что даже самая крепкая любовь к мудрости не обязывает своих носителей признавать окружающих глупцами и объектами потребления...

Завершая свои рассуждения, предлагаю задаться вопросом: «Так как же всё-таки нам следует поступить: разработать и попытаться внедрить Этический кодекс философа, который может не оправдать возлагаемых на него надежд или же с порога отвергнуть идею создания действующего механизма этической регуляции деятельности в сфере философии и не предпринимать никаких усилий по минимизации негативных социально-имитационных влияний на философствующих индивидов?». Иначе говоря, что в нашей ситуации будет должным и достойным: попытаться сделать что-то и ошибиться или же не делать ничего и тоже оказаться неправым?

Нуждается ли философ в том, чтобы быть неотъемлемой частью подлинно философского сообщества? Полагаю, что нуждается. А если нуждается, то, может быть, ему стоит приложить к становлению своего профессионального сообщества усилия, потратить время и, риску заявить, в чём-то даже слегка ущемить себя? Более чем банально вести речь о лягушке, попавшей в молоко, сбившей масло и использовавшей его как точку опоры... Но не в положении ли этой лягушки находится едва ли не каждый современный отечественный философ? Размышления такого рода заставляют вспомнить персонаж киноактёра Петра Алейникова Ваню Курского и его слова из второй серии кинофильма «Большая жизнь»: «Или всё-таки что-нибудь будем делать?»...

Б.В. Марков

Мораль как источник конфликта

Morals as a cause of conflict

Состояние морального сознания характеризуется ростом моральной чувствительности. Люди чувствуют себя жертвами технологий, институтов, власти. Они подают иск и часто выигрывают. Более или менее ясно, когда речь идет о лекарствах, бытовых приборах, о вредных выбросах или генно-модифицированных продуктах. Но конфликты врача и пациента, студента и преподавателя, ученого и администратора не столь просты, их решение требует досудебного разбирательства на комиссии по этике, решение которой должно учитываться. Этические конфликты не удовлетворяются чувствами вины и стыда, извинениями и прощениями, но и не подходят под нормы уголовного или гражданского права. В этике необходима не только моральная чувствительность, но и способность суждения, а в праве – не только буква закона, но и умение применять правила и законы сообразно обстоятельствам. Законодатель и исполнитель в равной мере несут ответственность. Формула «ничего личного» в современных условиях борьбы за права человека уже недостаточна. Необходимо поставить себя на место провинившегося, прислушаться к голосу совести и вынести решение по принципу наименьшего зла. Наказание должно быть этически оправданным, только справедливое возмездие способствует исправлению.

Добро и зло. Моральное чувство, возникающее в случае обиды, унижения, причинения страданий, кажется самым достоверным критерием справедливости. Но можно ли ему доверять? Во-первых, оно субъективно. Во-вторых, мораль сталкивается с той проблемой, что она применяется для оценки любых поступков и событий, но как оценивать саму мораль? Мораль не универсальна. Всегда было как бы две морали: одна основана на заботе о себе, другая на долге и ответственности. Сегодня кругом говорят о кризисе традиционной морали, нормы которой не пригодны для регулирования современных проблем. Неясно, кто сегодня определяет различие добра и зла?

Различие плохого и хорошего является одной из древнейших оппозиций. Если существует зло, воплощенное в дьяволе или каком-либо земном злодее, то на них и вина. По сути, так мы разгружаемся от ответственности. Чем злее дьявол и его инкарнации, тем меньше вина людей. Конечно, можно говорить об относительности добра и зла. Для природы нет плохого и хорошего. Кроме добра и зла существует множество «оттенков серого», т. е. различий между дурным и наихудшим. Справедливое решение конфликта должно принимать во внимание не только человеческие переживания. Государство, общество и его институты, также как природа, технологии, исторические обстоятельства и экономические условия не могут быть упразднены, ибо это части окружающего мира, искусственной среды, в которой живут люди, и с которой они должны находиться в согласии.

Справедливость. Справедливость является своеобразным темным пятном политики, этики и права. Отказаться от этого критерия нельзя, но и

опираться только на субъективное чувство тоже опасно. Выходом может быть разъяснение сложной природы, многообразия институтов справедливости. Она определяется не обидой автономного индивида, которому нанесли ущерб или поразили в правах. Справедливость транзитивна. Как правило на нее притязают многочисленные инстанции, например, государство в целом, или отдельные его представители. В медицине качество лечения зависит не только от самоотверженности врача, но и от его квалификации, т. е. образования, которое он получил в том или ином вузе, от качества лекарств и наличия оборудования. Современная высокотехнологичная медицина открывает новые возможности и новые риски. Поэтому в случае конфликта нельзя все взваливать на врача. Кроме двух сторон конфликта необходимо учесть другие инстанции справедливости и в этом состоит великодушие. Великодушие не только некий дар доброй снисходительной души. Оно имеет место в нормальном состоянии общества, которое может позволить нарушение порядка. Точно также сильный, здоровый человек, как говорится, в здравом уме и доброй памяти, может преодолеть resentment и простить окружающим то напряжение, беспокойство и даже ущерб, который они наносят уже фактом своего существования.

Великодушие и закон. Вынося решение согласно позитивному праву, сами судьи часто испытывают сомнения. Они вызваны вероятностью невинности обвиняемого. Великодушие проявляется в осознании уникальности случая, в уважении к личности, наконец, в сострадании. Как судебное, так и этическое решение состоит в подведении частного случая под моральную или юридическую норму (закон). Единичное событие подводится под общее правило, или, наоборот, правило применяется к конкретному случаю. Нормативная часть судебного действия включает кодексы, законы и процедурные правила, регламентирующие судебный процесс, а также доктрины и теории права, применяемые к различным судебным решениям, и, наконец, уголовную политику государства. Принятию решения, вынесению приговора, т. е. точке невозврата предшествуют дебаты, в которых нормативная часть применяется к конкретному случаю. Таким образом, помимо аргументации, процесс принятия решения включает интерпретацию, т. е. анализ смысла как общего правила, так и случая. Она может затрагивать состояние морали, например применимость традиционной морали в условиях современности, а также анализ обстоятельств, вызвавших неадекватное поведение. От обязанности вынести суждение члены суда и этической комиссии не могут уклониться. Решение отличается от дебатов тем, что предполагает некую божественную функцию всезнания. Тут возникает вопрос об ответственности. Как быть, если некое внутреннее убеждение не согласуется с решением, вынесенным на основе норм и законов? Как быть, если осознаешь риск, возможность невинности?

Великодушным или практически мудрым можно назвать решение, основанное на жизненном опыте арбитров. Оно вызывает терапевтический

эффект, способствует раскаянию и прощению, т.е. восстановлению нормальных человеческих отношений в коллективе. От решения нельзя уклониться. Выход состоит в опоре на способность суждения. Если конфликт рассматривается публично и все заинтересованные стороны могут высказать свои интересы, а также критиковать, то этическое решение принимается по принципу наименьшего зла, т. е. выбору наилучшего. В результате складывается убеждение в правильности решения и таким образом успокаивается совесть и устанавливается справедливость.

Если провести параллель между этическими и судебными решениями, то они определяются нормативной частью, ядро которой образуют моральные требования и нравственные нормы, а также корпоративные правила, записанные в уставе той или иной организации. Почти все человеческие действия определяются социально значимыми нормами, составляющими то, что можно назвать общественным порядком. В ответ на одни действия мы ожидаем другие, а когда это не происходит, пристыживаем или протестуем. Как же реализуется великодушие? Кажется, что это дело совести, и каждый берет ответственность на себя. На самом деле этическое решение является совещательным, т. е. коллективным. Поскольку в дебатах представлены разные точки зрения, и никому нельзя затыкать рот, то в процессе их обсуждения выносятся решения, имеющие, собственно, не чисто юридический или этический, а тактический характер. Можно сказать, что практическое решение опирается на принцип наименьшего зла. Приговор суда, а, тем более решение этической комиссии, не являются неким изгнанием из общества, не исключают, не лишают защиты. Решение должно иметь терапевтический характер, т. е. способствовать взаимному прощению и исправлению виновного. Конечно, это в большей степени относится к решениям этической комиссии, но должно учитываться и при вынесении судебного приговора. Точно так же решения этической комиссии должны быть не только эмоциональными, т. е. основанными на нравственных чувствах, но и рациональными, т. е. опирающимися на социальные и корпоративные нормы.

Если в нормальном состоянии общество может позволить снисходительность и даже прощение, т. е. большую степень гуманности, то чрезвычайная ситуация, как правило, не оставляет хорошего выбора. Выход из нее предполагает как жертвенность, так и насилие. Единственное, что можно посоветовать, это всеми силами препятствовать возникновению кризисных состояний. В обществе, где размыты границы моральных понятий, наступает хаос, все начинают бояться всех. Наши предки находили выход в жертвоприношении, заставляющем людей вести себя более осмотрительно. Это как на дороге: мы видим аварию, милицию и скорую помощь, а иногда и жертв, лежащих на обочине. Водители притормаживают, и первое время едут более осторожно. Но потом гонка начинается снова. До следующей аварии. Вот так, к сожалению, мы и живем.

Г.Л. Тульчинский

**Сомнительность идеи этического кодекса философа
Doubtfulness of the idea of the philosopher's code of ethics**

Сама по себе идея этического кодекса применительно к философии вызывает то, что начитанные студенты называют когнитивным диссонансом. Что понимается под философом и философией? Кому и зачем, для чего нужен этический кодекс философа? И кто будет или собирается отслеживать его соблюдение? А инициаторы обсуждения уже спешат поставить вопросы о нормативном содержании кодекса, его «приемлемом объеме», «мерах наказания», явно выходящих за рамки «морального осуждения».

Похоже, что под философией понимается некая дисциплинарная рамка, вид четко очерченной профессиональной деятельности, в которой предполагается существование неких то ли назначенных кем-то, то ли по другим причинам выделенных «авторитетов» «в законе», наделенных полномочиями судить и даже наказывать других, то ли присвоивших себе такие полномочия.

Идея в достаточной степени странная. Если ею руководствоваться, то следует пересмотреть введения и методологические обоснования практически всех философских диссертаций, в которых фигурирует синодик с упоминанием В. Соловьева, Л. Карсавина, Г. Шпета, А. Лосева, отстраненных от кафедр, В. Розанова, Н. Бердяева, М. Бахтина, С. Аверинцева, никогда не читавших философских курсов. В славную когорту «философских не-философов» входят шлифовщик линз Б. Спиноза, канцлер Ф. Бэкон, епископ Д. Беркли, юристы Ш. Монтескье и Д. Бентам – этот ряд можно долго пополнять и пополнять филологами, социологами, историками и т. д. Также трудно представить историю философской мысли без Ч. Дарвина, Н. Бора, А. Эйнштейна и других выдающихся ученых-естественников, писателей Л. Толстого, Ф. Достоевского, Ж.-П. Сартра, А. Камю, врачей З. Фрейда, А. Швейцера... А Л. Витгенштейн, К. Поппер, Д. Деннет отдали много сил борьбе с философской метафизикой, отождествляя ее с мифологией, отказывая ей в научном статусе. И тем не менее – все они выступают титульными фигурами и авторами в истории философской мысли, хедлайнерами этой мысли, чьи идеи выступают исходными, на которые ссылаются, которые развивают или оспаривают.

Давно уже различаю философов и преподавателей философии. К первым относятся люди самого различного рода занятий и социального статуса, которые пытаются ставить «предельные» вопросы человеческого бытия и искать на них ответы. Очень часто они в этих интеллектуальных и нравственных поисках нарушают социальные нормы и каноны, подвергаются преследованиям со стороны хранителей этих норм. В этом плане фигуры Сократа, П. Чаадаева являются типологическими для мировой и отечественной философской культуры. Ф. Ницше имел проблемы с психикой, М. Фуко – с моралью, Ж. Деррида – с французским профессиональным сообществом.

И есть преподаватели философии, которые делятся радостью узнавания философствования философов. При этом они пишут учебники, читают курсы по утверждаемым программам, принимают экзамены у студентов, заседают в советах по присуждению ученых степеней, печатаются в журналах, редколлегии которых всеми силами борются за чистоту дисциплинарных рядов, отвергая статьи, в которых нет «теоретической рамки», следования канонам «научного письма» и требованиям к оформлению текста.

В этом плане этический (и не только) кодекс давно действует в среде преподавателей философии. Что же касается самой философии как живой мысли, то применительно к ней сама идея этического кодекса выглядит, как бы это помягче выразиться, чересчур ригористичной – вследствие самой природы философствования, стремящегося к фронтиру человеческого бытия, его пределам и испытывающего эти пределы. И хотя, конечно же, некие пределы есть всему, что связано с человеческим бытием, понять что-то можно только выйдя в его контекст, в позицию «внеаходимости» – за что хранители норм и не любят философов.

А.М. Максимов

Свобода философа в этическом измерении
Philosopher's freedom in the ethical measurement

Проблема свободы никогда не утрачивает своей актуальности, поскольку, с одной стороны, она проявляет себя во всех сферах жизнедеятельности человека, а с другой – может определяться по-разному в различных школах, течениях и направлениях. Например, Б. Спиноза, К. Маркс рассматривают свободу как познанную необходимость, а экзистенциалисты придерживаются альтернативной точки зрения, мысли свободу в отрыве от необходимости. Мы же руководствуемся синтетической концепцией свободы, в рамках которой свобода рассматривается как противоречие самобытия и инобытия, как мера отчуждения своего и освоения чужого [8].

Примерно такую же картину мы наблюдаем и в этике. Одни философы отождествляют этику, мораль и нравственность, другие, например А.А. Гусейнов, предметом этики видят мораль и обращают внимание на то, что у разных философов можно найти разные морали, что философы, так же, как и простые люди, интуитивно понимают мораль как область индивидуально-ответственного существования человека. Это область ценностей, должного, задающая факты и предшествующая им. Соотнося мораль со свободой, Гусейнов отмечает: «Онтология морали, если говорить в двух словах, – это онтология свободы. Это не значит, что мы говорим о морали тогда, когда говорим о свободе. Это значит, что мы говорим о свободе (говорим о ней предметно, в её явленности) тогда, когда мы говорим о морали» [6, с. 235]. Из этого следует, что какими бы определениями свободы ни руководствовался философ, в своем стремлении её реализовать он должен опираться на определенные нормы морали. И в этом процессе очень многое за-

висит от его смысложизненной позиции, преданности своему делу, той совокупности норм, которыми он руководствуется в профессиональной деятельности. Безусловно, такими нормами являются любознательность и трудолюбие, глубокое, вдумчивое, многомерное усвоение знаний. Свободное владение материалом должно помочь философу не только разобраться в многообразии концепций и сформировать собственное видение проблемы, но и личным примером ориентировать на это обучаемых и тем самым реализовывать свой моральный долг.

Философская мысль, рассмотренная в контексте становления и развития, дает возможность убедиться в том, что представления людей о свободе, добре и зле, моральном долге исторически изменчивы. Так, И. Канта и П.Я. Чаадаева, несмотря на имеющиеся различия во взглядах, объединяет мысль о том, что путь к свободе надо искать в обращенности к Божественному началу. Противоположной точки зрения придерживаются С. Кьеркегор, Ф. Ницше, Р. Штайнер, считавшие, что свобода не должна искать свои истоки во всеобщей норме. За мир должного на пути к свободе не ратует и Ж.-П. Сартр, отмечая при этом её парадоксальность и мгновенность.

Находит отражение эта проблематика не только в философских текстах прошлых времен, но и при анализе воззрений современных авторов, подтверждающих, что между свободой и моральными нормами существует неразрывная связь. В частности, В. М. Артемов полагает, что нравственность обеспечивает сущностное единство свободы и общества [9]. Д.В. Пивоваров считает, что в свободе заложены возможности добра и зла [9]. Несколько иной точки зрения придерживаются С.Н. Борисов и В. П. Римский, подчеркивающие, что к высшим истинам человека ведет свобода, обусловленная любовью [5]. Но всех их объединяет мысль о том, что, осуществляя моральный выбор и стремясь реализовать свою свободу, человек может совершать как нравственные, так и безнравственные поступки в зависимости от того, какими ценностями он руководствуется.

Сопоставляя различные подходы, мы неслучайно обратились к широко известным представителям философского мира, демонстрирующим глубокое по содержанию, профессионально аргументированное философствование. Это в очередной раз убеждает, что профессионализм и плюрализм являются философскими принципами, обладающими этической составляющей. Однако не следует думать, будто только одна философия задает систему моральных норм и принципов. Философия в большей мере помогает человеку, опираясь на силу разума, согласовывать свои действия с совестью и существующими моральными нормами, формировать нравственные начала на его пути к свободе в этом многомерном мире.

Исходя из вышеизложенного очевидно, что философ, как любой иной человек, является носителем свободы и субъектом ответственности. Так, например, в переходное время эта ответственность не только не ослабевает, но и усиливается. Работая в рамках своего предметного поля и видя распад одной целостности, а вместе с ней и утрату определенных свобод, он

вольно или невольно стремится к формированию новой целостности, которая, как правило, не может быть спроецирована без опоры на те или иные моральные нормы.

Мы полагаем, что проведение круглых столов, конференций, посвященных влиянию моральных норм на деятельность философов, будет не только привлекать внимание к данной проблематике, но и определенным образом упорядочивать, кодифицировать моральные нормы (в контексте существующих социальных реалий), на которые они опираются в процессах философствования.

С.Н. Некрасов

Философия не умирает – она преодолевает настоящее и растворяется в будущем: такова основа этического кодекса философии Philosophy does not die – it over comes the present and dissolves in the future: such is the basis of the philosopher's code of ethics

Философия вытекает из истории и умирает, уходя в будущее, растворяясь в нем. И поскольку все существующее обречено на гибель, философам понятно: чтобы не умереть, надо не родиться, значит, надо жить достойно. Это относится и к философии, она эволюционирует, имеет исторические сферы и границы, но, если философ разрушает будущее и не создает смыслы нового ранее не существовавшего человеческого будущего, он нарушает этический кодекс философии, поскольку обрекает философию на безвозвратную кончину, когда она не растворяется в будущем, а как все живущее «попадает в царство минералов», говоря словами Гегеля. Это же относится и лично к такому философу-убийце философии: умер и на могиле лопух вырос.

Всякий профессиональный философ и философствующий мыслитель решает свои личные проблемы, выбирая ту или иную тему для размышления. Русские подметили давно: «у кого что болит – тот о том и говорит». И еще: «рыбак рыбака видит издалека». Если же отвлечься от каждого автора как личности, то следует прийти к пониманию положения широких масс, которые за счет идеализма и религии, материализма и атеизма также решают свои личные и общественные вопросы. Философская позиция пассивности и непротивления может слабо защищать от ударов жизни как ненадежно защищает от пуль человеческое тело ватный матрас, а философская позиция активности и преодоления открывает возможность остановить свинцовые мерзости жизни, как это делал Нео, который становясь «избранным» и попадая в код «Матрицы», останавливал рукой пули агента кода Смита.

Ленинские «Десять вопросов референту», посланные в Женеву в критический момент партийной дискуссии по вопросу об определении философских принципов для нового столетия, могут быть переформулированы для того, чтобы вернуть философию в головы масс и в социальную

реальность с целью очертить контуры возможного и невозможного в философии и в жизни. В результате новые поколения философов-теоретиков и практикующих философию не-философов, уже не будут изумленно спрашивать, как наши современники вопрошали в период реформ и деления общенародной собственности: «А что, разве так можно было?».

1. Существует ли основное монистическое деление философских систем на материализм и идеализм и что с этим можно поделаться – признать, отрицать, замолчать, забыть, воссоздать, поднять на знамя?

2. Насколько выгодна и удобна в жизни и творчестве философа средняя колеблющаяся линия в виде агностицизма, когда в обыденной жизни современники сообщают, что от них надо отстать, и на серьезные темы они не размышляют, комментариив не дают даже на тему природы, поскольку-де агностики и скептики, и что может поделаться с этим философ – уйти в «башню из слоновой кости» или, как Савонарола или пушкинский пророк, «глаголом жечь сердца людей»?

3. Отражается ли внешний мир в человеческой голове, а правильность этого отражения проверяется и достигается посредством общественно-исторической практики масс, а не индивидуального желудка, или мы все как «непробужденные» живем в «Матрице», и находимся как питающие ее живые батарейки под управлением информационного «князя мира сего»?

4. Мир, если он существует, познается ли нами суверенно-ограниченно как играющими детьми на берегу моря, открывается ли он нашей душе, если она существует, или он принципиально познаваем только для интеллекта человека и интегрального интеллекта поколений человечества и на самом деле существуют лишь различия между тем, что познано, и тем, что еще не познано?

5. Как философ может толерантно или нетолерантно ответить на вопрос о единстве мира, которое либо заключается в его материальности и не существует чего-либо супранатуралистического, внеприродного и, следовательно, невозможен божественный произвол и даже его суррогат, так называемый «искусственный интеллект», либо гордому человеку остается смириться и уповать на веру в высшее существо, добро, истину?

6. Что движется перед взором дневных грез философа – игра различий и повторений, симулякры и превращенные формы или движущаяся материя во всем ее чувственном блеске в пространстве и времени, в ее атрибутах и модусах?

7. Что есть истина и признают ли философы релятивность новой нормальности вместо правды святой и справедливости, о которых, в отличие от согласных на все филистеров, всю историю толкуют ценой своей жизни пламенные революционеры и пламенные реакционеры?

8. Как эволюционирует социальная материя в больших перезагрузках и кому научно, а не конспирологически, нужен чипированно-вакцинированный извнеуправляемый постчеловек в новой перезагрузке?

9. Новые классовые интересы в новом рентном информационном обществе, где селебрити стригут ренту с известности, ставят философа за пределы общественных интересов в позицию неучастия и признания плюрализма, а философ и современные нации постиндустриального общества при этом уподобляются «рехнувшемуся англичанину в Бедламе», перед взором которого оживают персонажи прошлого, и который мнит себя рудокопом, современником древних фараонов?

10. Как хорошо роет крот истории и существует ли он вообще, подобно суслику, которого не видно, и надо ли народам и их философам выполнять невыученные уроки истории, которая продолжает учить своих нерадивых учеников?

Такие вопросы отражают существование философии в недрах особой реальности «идеологических аппаратов государства», а поскольку ультраглобалисты, в отличие от глобалистов, настроены на демонтаж всякого государства, значит у философии есть выбор – выйти из многослойного публичного государственного репрессивного аппарата или отрабатывать задания идеологических аппаратов государства в частной сфере: в семье, церквах, школах, профсоюзах, спорте, моде, искусстве, медиа. Философ выбирает тут между апологией насилия и идеологией свободы самореализации и прав человека на любую глупость.

Есть ли возможность формирования иной философии, стоящей на позициях воинствующего материализма, и выражающей интересы противоположной стороны в идеологических аппаратах государства – стороны народа, его самоуправленческих организаций и естественных эмансипаторов человечества? Возникает же запрос на новую научную философию, в рамках которой философия находит в совокупном пролетариате материальное оружие, а пролетариат и когнитариат обнаруживает в философии свое оружие духовное. Начинается подлинное развитие философии как антагониста мистифицированных продуктов идеологических аппаратов позднебуржуазного государства, возникшего в результате контрреволюционных переворотов. С этого момента заниматься философией означает осуществлять революцию в умах, готовить возврат революционного прилива в обществе, громить плесень постмодернистского проекта в культуре, преодолевать остатки коварного буржуазно-гуманистического штурма первого в истории социалистического общества. Для трудящихся планеты перед лицом западной модели ультраглобализации востребованность философии становится абсолютной в условиях господства мистификаторской завесы над сущностью и перспективами развития общества, развешанной манипуляторами идеологических аппаратов государства.

Поскольку «мировой дух» и двигатель истории это на самом деле отчужденная сила мирового рынка, роль философии может оказаться всемирно-исторической – контроль и господство над теми силами, которые только казались людям отчужденной от них и выглядели как господствующая над ними матрица мегамашины кодов. Философия завершается там, где

человек обращается к действительному процессу производства своей жизни. В «Немецкой идеологии» предполагалось, что философия имеет завершение, когда единственной наукой останется наука Истории и коллективный человек поставит под контроль свои сущностные силы, а пока в разорванном обществе господствует индивидуалистический спекулятивно-идеалистический подход к чуждым силам, и тут «философия и изучение действительного мира относятся друг к другу, как онанизм и половая любовь».

Приведем пример практической этики философа: настоящие женщины и мужчины празднуют советский и затем общепризнанный ООН праздник – Международный день солидарности трудящихся женщин, день 8 марта. Но что будут праздновать 52 гендера? Подросло поколение телепузиков и им мало феминистских и суфражистских протестов. Им нужен абсурд, смещение стилей, разрушение смыслов, экоколлапсоидный алармизм, гибель цивилизации всего глобального потепления, начиная с эпохи неолита до наших дней. Вместо глобализма – ультраглобализм, разрушение всех государств, тотальная махновщина конца истории. Это отражается в живописи, в чудовищных по безнравственности телепрограммах, в странных памятниках – уже не чижика-пыжика, но печального ангела, который бы никогда не возник в Ленинграде, но к месту в Санкт-Петербурге.

Другой пример практической этики философии. Философия сегодня призвана раскрыть семиотические техники манипулирования и управления сознанием людей, которые древни как человеческое общество. Магические ритуалы первобытности, с другой стороны, сверхсовременны, поскольку благодаря им отчужденный несчастный человек придает смыслы своей деятельности, строит систему власти, саму социальную мегамашину «глобального человежника» как первичную абстрактную машину, сохраняющуюся как каркас в теле всех последующих мегамашин. Этот каркас структурирует человеческие тела, вносит иерархию в общество и просвечивает сквозь тело мегамшины.

Дело доходит до того, что навязчивой идеей современного человека становится возникающая после предложения – «прими красную таблетку» – призрачность его существования, закодированность бытия, страх того, что мы на самом деле живем в Матрице, начинаются навязчивые поиски сбоя кода Матрицы (женщина в красном платье, повтор картинка, феномен дежавю, плоская Земля, иллюзия истории и прошлого, которых не было по причине новой перезагрузки, недавнее рождение истории), возникает стремление найти Архитектора перезагрузки Матрицы, Мервингера и Пифии как загадочных управляющих персонажей сюжета трех фильмов братьев Вачовски «Матрица». Нео, Морфиус и Тринити лишь пытаются обратиться к ним за разгадками своего бытия, но обращаться нужно к научной философии. Философии нужно не пугать людей, не сбивать их с толку, а направлять на путь истины. После выхода фильмов братья совершили переход (каминг-аут) – стали сестрами, транс-женщинами, что говорит о глубо-

ком личном потрясении от самого парафилософского рассуждения о программных кодах социального бытия, перезагрузки, революции, мира свободного человека и свободной воли искусственного интеллекта, убежища людей города Зион, а на самом деле резервной восстановительной системы матрицы и его гибели под ударами машин.

Философии не следует педализировать скорое завершение человеческой истории в результате потепления или «восстания машин», ей нужно делать все, чтобы освобожденное материально и духовно человечество, более не нуждалось в философии и в философах, поскольку философия ушла в строительство будущего, а каждый стал быэтим строителем, практикующим исторический оптимизм философом.

Философия обладает властью над обществом, и над философом она тоже берет власть как личная система фраз и мыслей, как полагал горьковский Клим Самгин. Сама власть у человека строится на семиозисе и семиотических кодах: власть врача над пациентом (врач расшифровывает распечатку анализов), жены над мужем (жена требует у благоверного шубу в обмен на свою загубленную молодость), офицера над солдатами (приказ командира – закон для подчиненных), вождя над народом (уличный трибун становится Вождем и сакрализуется). В философском споре постструктуралистов о «дискурсии власти» и «власти дискурсии», о котором мы писали статьи в философских журналах СССР 1980 гг., выясняется, что власть является существенным аспектом цивилизации, т. е. истоком всей человеческой истории. Статьи предупреждали, что только философия может развести «дискурсию власти» и «власть дискурсии», сберечь общество от краха. В результате такая инструментальная философия общественного управления оказывается не уделом высоколобых интеллектуалов-одиночек или «мыслительных танков», она оказывается способной овладеть кодом и ходом Истории и направить его в нужное человечеству русло, обеспечить победу в борьбе с силами упадка и гибели. Если история не направляется, это плохая философия и неправильная история, это философия самовыражения и «выпендрежа» автора как системы фраз, который убоился истории, подобно Самгину в своем доме на Пресне во время московского восстания.

Массу иллюзий обычно питали вожди великих революций, этих «локомотивов истории». Вожди революции третьего сословия, и даже сам вождь революции четвертого сословия не могли предвидеть последствия своих действий и всецело овладеть кодом истории: не хватало философской подготовки, хотя Ильич в самые трудные моменты обращался к философии. Как писал М.А. Лифшиц, «и семьдесят Марксов не смогли бы все предвидеть». Большевики за три месяца до революции, когда вождь завершал в Разливе работу «Государство и революция», полагали, что после революции в России построение нового общества начнется повсюду, но мировая революция не началась и выходило – ввязались в драку не зная, что ждет впереди. Пришлось драться и, в отличие от анархистов, начавших строить безвластное общество, коммунисты взяли курс на создание нового классового

государства и его укрепление. Древнее население Европы – кельты – не имели государственности и армии и при столкновении с малочисленными дисциплинированными римлянами были разгромлены. Анархическое мировоззрение надолго осталось мирозерцанием крестьянских масс и в социалистической революции стихией махновского Гуляй-поля можно было управлять только сильной рукой под руководством пролетариата и его органических интеллектуалов-философов.

Появление кода новой социальной машины как результата трансформации ритуала перехода означает, что возникающая новая социальная организация – вместо преходящей умирающей – входит в фазу рефлексированного существования, она обращается к людям, обращается по-человечески, как делает всякий настоящий философ, начиная с Античности. Как это сделал И.В. Сталин словами «Братья и сестры», или творец «нового курса» Ф.Д. Рузвельт в «радиобеседах у камина», или генерал Ш.Де Голль в обращениях к поработанной Франции из Лондона. С помощью кодового слова и обращения к людям социальная машина езды в будущее завершает строительство своей внутренней структуры и устремляется вместе с вдохновляющей глобальной философией в привлекательное будущее. Но о глобальных шести проектах будущего следует писать отдельную статью. А о философии после нашего обсуждения можно написать катехизис философа, но это при условии, если обсуждение пройдет успешно и обскурантизм не победит.

Р.Л. Лившиц

**Лицо и личина, или Философское сообщество имеет право знать,
кто есть кто
Faces and guises, or the philosophers' community has a right to
know who is who**

В 2009 г. я опубликовал книгу, в которой подверг резкой критике труд одного провинциального автора. Моя книга общедоступна, достаточно набрать в строке браузера «Оптимальный тупик, или Как не следует писать научные труды»², и вы сможете ее читать от первой страницы до последней. Объект моей критики – монография Г.Э. Говорухина, выдаваемая за счет обманного приема за две. Я показал, что монография эта – дикая смесь нелепостей и трюизмов, упакованная в экзотическую оболочку вычурной терминологии. Г.Э. Говорухин кошмарно косноязычен, чудовищно безграмотен и анекдотически невежествен. Разумеется, все эти мои оценки основаны на конкретном анализе текста монографии названного автора. И что же? Моя критика не возымела ни малейшего действия. Г.Э. Говорухин успешно защитил на основе своего макулатурного опуса докторскую диссертацию, ВАК результаты защиты утвердила, и человек, коему, по совести

---

² Лившиц Р.Л. Оптимальный тупик, или Как не следует писать научные труды: пособие для аспирантов. М.: ВЛАДОС, 2009. 256 с. ISBN 978-5-691-01624-0.

говоря, полагается справка о том, что он прослушал курс вспомогательной школы, обрел докторский диплом. В обсуждении труда Г.Э. Говорухина принимали участие десятки ученых высшей квалификации, они подавляющим большинством решили, что он достоин быть их полноправным коллегой. Моя точка зрения диаметрально противоположна мнению этих ученых мужей. Следовательно, я бросил им вызов, поставив их квалификацию под сомнение. Если вы, господа ученые, принимаете в свой круг явного халтурщика и невежду, то, стало быть, и вы таковы же, как он. И потому естественно было бы ожидать, что все те, кто способствовал введению Г.Э. Говорухина в храм науки, дадут ответ на мою критику, покажут, в чем я заблуждался. Ну, если не все, то хотя бы один из них. Например, И.Ф. Ярулин, председатель диссертационного совета, в котором происходила защита. Или С.Е. Ячин, выступивший на защите с положительной оценкой диссертации. С тех пор прошло 12 лет. Ответа я не дождался и, конечно же, не дождусь. И это вполне понятно: трудно доказать, что человек, который пишет «большЕнство», достоин степени доктора каких бы то ни было наук. Поэтому все говорухинофилы предпочли сделать вид, что книги, в которой доказана их профессиональная несостоятельность, не существует. Моя попытка протестовать против очевидного попрания норм научного исследования оказалась гласом вопиющего в пустыне.

Этот единичный факт заставляет меня подойти к вопросу о необходимости этического кодекса философа с практической точки зрения. Нужен ли этот кодекс как средство, позволяющее широкой публике составить обоснованное мнение о том, кто в философском сообществе есть действительно кто? Как показать истинное лицо имитатора, скрывающееся под личиной уважаемого ученого?

Мне, как любому нормальному человеку, чужда смешная самоуверенность абсолютного всезнайства. Высказывая свое мнение, я всегда предполагаю возможность возражений и жду, что оно будет оспорено. И я готов признать правоту оппонента, если его аргументы против моей позиции достаточно убедительны. Но я вправе ожидать того же и от авторов, которых я подвергаю критике. Такова этика любой науки, в том числе и философии.

Мой опыт борьбы с имитацией науки свидетельствует в пользу вывода о необходимости кодификации этических норм, регулирующих деятельность философского сообщества.

Что касается содержания этического кодекса философа, то я хотел бы высказать по этому поводу следующие соображения.

Первое. Отличие философии от конкретных наук (как естественных, так и общественных) не в способе духовного освоения действительности, а в уровне обобщения. Философия, как и любая конкретная наука, направлена на постижение истины, но истины не частной, а всеобщей, проникающей в самую глубокую суть вещей. Эта специфика философии определенным образом модифицирует этос познания, но не меняет его по существу. Так, главное требование, которое общество предъявляет к ученому, – добросовестность.

Ученый – это тот, кто добросовестно занимается поисками истины. Любой, кто этому критерию не соответствует, ученым не является. В конкретных науках добросовестность заключается в тщательности постановки экспериментов, в скрупулезности интерпретации результатов эмпирического исследования, в точности описания хода исследования и его итогов в тексте научной статьи/монографии и т. д. Философ экспериментов не ставит, эмпирической базой его обобщений являются результаты, достигнутые в других науках. Но спектр философских интерпретаций значительно шире, чем поле возможных обобщений в конкретных науках. И потому доблесть философа состоит в том, чтобы максимально убедительно обосновать выбор собственной интерпретации эмпирических данных, не уклоняясь и от тех истолкований, с коими он полемизирует.

Следовательно, пункт, касающийся требований к интерпретации эмпирических данных, должен быть конкретизирован с учетом специфики философии как науки, исследующий предельно общие вопросы бытия и познания.

Второе. Другая моя идея относительно содержания этического кодекса философа состоит вот в чем. Философия была и остается наукой партийной. (Имеются в виду, конечно, не политические партии, а философские.) Избежать ангажированности в философии невозможно, как невозможно вытащить себя за волосы из болота. И потому профессиональный кодекс философа помимо пунктов, общих для всех наук, должен содержать норму, требующую открытого признания своей принадлежности к определенной философской традиции, направлению, школе. Если такого признания нет, то это в лучшем случае проявление непрофессионализма, а в худшем – беспринципности, обывательского конформизма.

Само принятие и функционирование этического кодекса философа я представляю себе так. Задача выработать проект кодекса может быть возложена на Институт философии как на самое авторитетное в философских кругах учреждение, располагающее кадрами высочайшей квалификации. Затем проект выносится на публичное обсуждение профессионального сообщества. После доработки проекта по результатам обсуждения его текст утверждается открытым голосованием. Голосование можно провести на очередном философском конгрессе, а можно и через Интернет. И у того, и у другого решения есть плюсы и минусы, но я отдал бы предпочтение второму варианту. Важно правильно определить круг имеющих право голоса. На мой взгляд, самый простой критерий – наличие ученой степени кандидата или доктора философских наук. Конечно, критерий этот не идеален, но у него есть то несомненное достоинство, что он легко верифицируем.

Нужна ли отдельная инстанция, следящая за соблюдением кодекса? Вероятно, что нужна. Ее я представляю в виде выборного органа, избираемого из наиболее авторитетных и известных членов философского сообщества. Персональный состав органа должен периодически (допустим, раз в

пять лет) обновляться. Его рабочее название «Комитет по соблюдению этического кодекса философа». Комитет следует наделить правом выносить решения по спорным вопросам и давать оценки фактам научной жизни. Комитет нельзя наделять административными функциями, ибо его назначение – выражать позицию авторитетных членов научного сообщества по вопросам этического свойства, а не наказывать или поощрять. Если бы такой комитет существовал, я бы имел возможность известить его о том, что на мою критику книги Г.Э. Говорухина не поступило в течение 12 лет никакого ответа. И комитет мог бы в ответ на мое обращение вынести суждение: имеет в данном случае место нарушение этического кодекса или нет. А остальные члены научного сообщества получили бы возможность составить мнение о тех своих коллегах, которые вовлечены в создавшуюся ситуацию.

В заключение скажу, что недавно мною опубликована новая книга, в которой я подвергаю нелюбимой критике ряд имитаторов науки. Книга называется «Имитация науки. Полемические заметки» [7]. Скорее всего, объекты моей критики вновь прибегнут к тактике замалчивания. Этический кодекс философа нужен хотя бы для того, чтобы сделать такую тактику предметом общественного осуждения. Впрочем, как и другие уловки имитаторов. Философское сообщество имеет право знать своих героев. И антигероев тоже.

В.А. Бажанов

Стоит ли обозначать контуры академической этики для философов? Is there any use in marking the limits of academic ethics for philosophers?

Многие философы придерживаются точки зрения, что наука, которой они занимаются, не терпит искусственных барьеров: ареал, который она охватывает, простирается до самых дальних горизонтов знания. Означает ли это мнение, что те люди, которые заняты развитием философии (и ее преподаванием), могут быть столь же раскованы в своей профессиональной деятельности? Следует ли им придерживаться определенных правил этой деятельности?

Эти вопросы напрашиваются по той причине, что на сегодняшний день очень многие профессиональные сообщества обозначили в явном виде свои принципы академической этики, которые часто выражены в особых этических кодексах, причем такого рода предписания предложены десятилетия назад. Эти кодексы призваны преломить общие этические нормы по отношению к специфике их деятельности и статусу их – формальных или неформальных – членов. Их составление и принятие вовсе не чистое интеллектуальное занятие, а, как принято считать в ряде профессиональных сообществ, весьма действенное средство поддержания его «тонуса» и транспарентности ценностей.

Известны этические кодексы врачей, фармацевтов, медицинских сестер, социальных работников, независимых предпринимателей, журнали-

стов и т. д. Известен этический кодекс математиков, который в общих чертах провозглашает основные ценности внутрицеховой жизни этого, казалось бы, сугубо академического сообщества [12]. Есть и этические кодексы инженеров [16], психологов [13], социологов [15], историков [17]. Англоязычные философы приняли свои правила [14]. Все эти решения соответствуют общим принципам «целостности исследований (Research Integrity)», которые задают общезначимые нормы научной деятельности в мире и постоянно обновляются [18].

Полагаю, что и отечественное философское сообщество вполне созрело для того, чтобы сформулировать некоторые этические принципы, которые обозначали бы некоторые границы дозволенного и недозволенного в области своей деятельности и оценки её результатов, задали бы ценностные ориентиры, которые могут выступать своего рода «аттракторами» достойных нормативов поведения.

Набросок этического кодекса, сформулированного в достаточно общем виде и компактного, но учитывающего особенности нашего сообщества, я и хотел бы предложить. Несмотря на модальность «долженствования» все его положения не носят принудительного характера; это своего рода лишь рекомендации, обозначающие предпочтительные модусы поведения. Я не этик и поэтому понимаю, что моё предложение может быть лишь отправной точкой в большой работе по составлению гармоничного, последовательного и непротиворечивого документа – если целесообразность такового будет когда-то у нас признана. В 2011 г. Р.Г. Апресян, О.И. Кубарь и Б.Г. Юдин написали аналитический обзор, посвященный академической этике, и предложили соответствующий проект Декларации для государств–участников СНГ (общим объемом 36 стр.), был подготовлен даже макет его издания, но оно по каким-то причинам так и не состоялось (автор благодарен Р.Г. Апресяну за знакомство с этой работой).

Особенности философского исследования. Репутация членов отечественного философского сообщества может считаться социальной ценностью, а материальные свидетельства его когнитивной активности – *публикации* в той или иной форме (книги, статьи, тезисы) – неотчуждаемым от авторов продуктом, который транслируется будущим поколениям. Именно по публикациям они смогут судить о состоянии, глубине философской мысли, образовании и морали этого сообщества.

Присвоение чужих идей, высказанных устно или письменно, чужих текстов и их фрагментов не может не считаться *грубым нарушением* норм академической этики и подлежать как нравственному осуждению, так правовому преследованию.

Ссылки на авторов идей и текстов в философских исследованиях являются *необходимым* элементом философского произведения. Эти ссылки выступают не только формой признания интеллектуальных достижений мыслителя, которое может быть важным для его самоощущения как автора

и мотивом для продолжения творчества, но и указанием на последовательность эволюции философских идей. Ссылаясь на коллег, мы воздаем должное их труду, приоритету, оригинальности, глубине мышления. Фактически мы не можем не стоять на плечах предшественников, которые заслуживают уважительного отношения в качестве источников развития наших идей.

Ответственность философа перед обществом. Философское общество заинтересовано в как можно более широком распространении плодов своего труда, что невозможно без достижения определенного уровня. Профессионализм не допускает высокомерного отношения к представителям других областей знания, придания философии статуса «науки наук», а значит, поучений как им следует жить и думать.

Профессиональный философский труд должен уважаться вне зависимости от национальных, политических симпатий и антипатий, сексуальной или религиозной ориентации. Ареал философского дискурса весьма обширен и предполагает *плюрализм стилей и парадигм*. Самобытные концепции, выполненные профессионально, не могут отвергаться лишь на основании того, что они сейчас не могут быть приняты и/или поняты теми или иными членами сообщества. В конце концов лишь время расставляет точки над *i*.

Оценивая работы своих коллег, философ (при оппонировании, составлении рецензий в журналах, экспертизе грантовых проектов и т. д.) должен быть не только объективным, но и сохранять конфиденциальность, где это предписывается жанром работы. Его критика должна стремиться к конструктивному содержанию. Знакомство с оригинальными и еще не опубликованными идеями никоим образом не дает права их использования без и помимо ведома их реального автора. Надо также иметь в виду возможность конфликта интересов и в случае его наличия отказываться от такого рода работы.

Участие в преподавании. Философ, который занимается преподаванием, не может не поддерживать свой информационный потенциал (т. е. знакомиться с литературой в области приложения своих знаний). Иногда складывается впечатление, что среди философов превалируют «писатели», пренебрегающие знакомством с трудами своих коллег. На эту нашу особенность в эпоху гласности обращал внимание М.А. Розов, который, правда, каялся и в своём «грехе» [11]. Оригинальность мышления и нетривиальность подходов не в состоянии заменить профессионалу информационный ресурс, который обогащается лишь в процессе знакомства с результатами деятельности и достижениями коллег.

Философские положения должны быть поняты аудиторией, а не зазубрены, так сказать, механически. Главная цель образования – это не трансляция некоторой совокупности фактов, а научение критически мыслить, грамотно рассуждать и аргументировать свою точку зрения, равно как и обосновывать ценности рационального отношения к миру. Имена, даты, от-

дельные философские принципы могут быть со временем аудиторией естественным образом забыты, но в идеале в виде неявного знания сохранится методология, которая поможет ориентации бывших студентов в условиях усложняющейся реальности.

Повышение профессиональной квалификации. Если человек связал свою жизнь с преподаванием и/или исследованием, то успешность его продвижения по служебной лестнице и относительное материальное благополучие во многом зависят от повышения профессиональной квалификации. Кроме того, она коррелирует (но не детерминирует!) со степенью его компетентности и профессионализма. Поэтому институты присуждения ученых степеней и присвоения ученых знаний – неотъемлемые компоненты процесса повышения профессиональной квалификации.

Вообще говоря, диссертация не должна быть самоцелью. Это, так сказать, всего лишь *побочный* продукт научной деятельности любого ученого. Когда есть некоторые *результаты* исследования, тогда и должна оформляться диссертация, которая при условии ее успешной защиты будет служить индикатором общественного признания научных заслуг соискателя. Диссертация предполагает публичную и открытую защиту выдвигаемых идей. Поэтому умение соискателя отстаивать свою точку зрения играет важную роль в процессе социализации человека как ученого. Внес ли что-то новое диссертант? Смог ли он – и, если да, то в какой мере – обосновать свои идеи? Насколько искусно и полно он поставил проблему, глубоко раскрыл подходы к её решению, разработал ли для этого адекватную методологию? Насколько он ориентируется в самой проблеме и смежных вопросах? Вот минимум вопросов, на которые ожидается ответ в ходе публичной защиты.

Не диссертация ради продвижения по службе, а диссертация как свидетельство научной зрелости, достижения определенного уровня исследований, новое слово в философском анализе или методологии. Всё это требует изрядного труда и времени, оригинальности, раздумий, проб и, увы, ошибок. «Скороспелки» (особенно это касается *докторских* диссертаций) никоим образом не могут рассматриваться как реальный вклад в науку. Они не более чем свидетельства ловкости автора и его пробивной силы.

Профессиональное достоинство философа должно соответствовать его компетентности и определяться последней.

Р.Г. Апресян

**Идея этического кодекса философа бессмысленна и вредна
The idea of philosopher's code of ethics is meaningless and harmful**

Я вполне разделяю глубокую озабоченность по поводу многих явлений в российских академических (в широком смысле этого слова) нравах. Эти проблемы не раз мы обсуждали с Валентином Александровичем Бажановым. Пожалуй, наиболее обстоятельно в 2008 г. на «полях» Всемирного

философского конгресса в Сеуле. Вскоре после этого он опубликовал статью в «Вестнике РФО», в которой он, обсуждая тревожные проблемы российской научной жизни, встречающиеся и в среде философов, постановил вопрос об этическом кодексе философа [2]. Этические аспекты университетской, вузовской жизни постоянно обсуждаются в специальных изданиях³ и СМИ, связанных с наукой. Другое дело, что обсуждения такого рода имеют небольшой практический эффект, и это последнее обстоятельство – повод для отдельного размышления.

Бывает, ко мне обращаются за консультациями по составлению документов, этически регламентирующих деятельность в профессии или организации (корпорации). Как правило, обращающиеся действительно озабочены какими-то проблемами в своей деятельности, которые, как они считают, являются этическими (те, кто берется создавать «этические кодексы», всего лишь следуя требованиям нынешнего российского административного политеса, в консультациях, разумеется, не нуждаются). Первый вопрос, который я ставлю в таких случаях – профессиональные или корпоративные конфликты какого рода предполагается регулировать с помощью искомого нормативного документа? Второй – насколько социально-психологически готово соответствующее профессиональное или корпоративное сообщество к разрешению конфликтов с помощью этических инструментов?

Об этих вопросах стоит задуматься и настаивающим на необходимости этического кодекса философов (ЭКФ). Чтобы не было впечатления, что, работая на протяжении более трех десятилетий в Институте философии РАН, я пребываю в «тепличной» среде и не имею полного представления о неприглядных аспектах академических нравов рядового университета, замечу, что я постоянно сотрудничаю с университетами, в том числе региональными, и всегда, когда есть возможность, собираю материал, касающийся академической этики, как говорится, из живых рук. Да, по конкретно-социологическим меркам этот материал не репрезентативен, но жизненно совершенно достоверен.

Проблемы, о которых говорят проponentы ЭКФ, возлагая надежды на их решение с помощью ЭКФ, можно обобщить в три категории: недобросовестное исполнение профессиональных обязанностей, низкое качество

---

³ См.: Ведомости прикладной этики (гл. ред. В.И. Бакштановский), URL: <https://www.tyuiu.ru/nii-i-laboratorii/ethics/zhurnal-vedomosti/285729-2/> (2001. Вып. 18 (Этика науки), 2005. Вып. 27 (Новая ответственность университета), 2009. Вып. 34 (Этический кодекс университета), 2011. Вып. 39 (Этика профессора в отсутствии алиби), 2015. Вып. 46 (Университет – центр формирования и воспроизводства этики профессии), 2015. Вып. 47 (Университетская этика: актуальная повестка дня), 2016. Вып. 49 («Успешный профессор» vs «Честный профессор?»), 2018. Вып. 51 (Этика профессии как ценностный ориентир проектирования миссии университета), 2020. Вып. 55 (Кризис этики профессора в трансформируемом университете), 2020. Вып. 56 (Профессор в трансформируемом университете)).

результатов научного и преподавательского труда, неподобающее поведение с коллегами, персоналом, студентами. Ни в одной из этих категорий нет ничего, присущего именно философам. Все это – общие проблемы академической этики, и они покрываются соответствующими нормативными документами [1].

Сам по себе этот факт снимает вопрос об ЭКФ. И далее уже нет смысла говорить о частных вопросах, связанных с этическим регулированием профессиональной и корпоративной деятельности: а) различных типах нормативных документов (среди которых кодекс является наиболее строгим и обязывающим) и уместности того или иного типа для решения стоящих задач; б) о статусе субъекта, принимающего соответствующий нормативный документ, и его способности обеспечивать действенность принципов нормативного документа; в) о степени интегрированности сообщества, к которому обращен данный нормативный документ, состоянии его коллективного самосознания, качества разделяемой членами этого сообщества профессиональной или корпоративной идентичности и т. д. Тем не менее отмечу по поводу последних двух пунктов, что в России не просматриваются ни субъект с полномочиями принятия соответствующего нормативного документа и санкционирования его положений, ни вменяемое сообщество, к которому этот документ мог бы быть адресован. Поэтому с уверенностью повторяю то, что говорил в предварительных беседах с коллегами – некоторыми участниками нашего круглого стола: идея ЭКФ – это результат какого-то *недоразумения*, и ее надо оставить, не отвлекая внимание публики от усилий по противодействию тем негативным явлениям (недобросовестность, низкое качество продуктов труда, неподобающее поведение), которые разъедают академические нравы.

Идея ЭКФ не только не продумана как идея для профессионального контекста, но и *вредна* как идея для корпоративного контекста. В университетах профессиональная деятельность философов многообразно опосредована деятельностью представителей других дисциплин и администрации и отношениями с ними. ЭКФ бессмыслен как средство регулирования отношений между сотрудниками, разьединенными профессиями и ролями, но объединенными своей принадлежностью университету. Для такого рода отношений если и нужны нормативно-этические инструменты регулирования (поскольку наиболее эффективно они работают в условиях демократических режимов), то как общекорпоративные документы.

Полагаю, мое отрицательное отношение к идее ЭКФ ясно, а высказанные аргументы убедительны.

Заключение

Подводя итоги представленной вниманию читателей дискуссии, следует, в первую очередь, отметить, что она не завершена. Подлинным её завершением станет, надо полагать, достижение продуктивной конвенции относительно этического кодекса философа. Взгляды участников круглого

стола, будучи различными, достаточно явственно тяготеют к одному из двух полярных вариантов: в одних случаях более или менее однозначно демонстрируется поддержка идеи создания и внедрения в жизнь философского сообщества такого кодекса, в других высказывается сомнение в необходимости кодификации этических норм или же заявляется о принципиальной контрпродуктивности этого. Данное обстоятельство позволяет поставить вопрос о расширении круга философов, целенаправленно обсуждающих потребность своего профессионального сообщества в этическом кодексе.

Список литературы

1. Апресян Р.Г., Кубарь О.И., Юдин Б.Г. Об этических принципах научной деятельности: Аналитический обзор и Проект Декларации для государств – участников СНГ. СПб.: Изд-во НИИЭМ им. Пастера, 2011. 36 с.
2. Бажанов В.А. Прологомены к этическому кодексу отечественного философа // Вестник РФО. 2009. № 1. С. 88–94.
3. Бакштановский В.И. Идея проектирования профессионально-этического кодекса: мировоззренческий ярус // Этическая мысль. 2018. № 1. С. 146–157. <https://doi.org/10.21146/2074-4870-2018-18-1-146-157>.
4. Беляев И.А. Антропологический ландшафт современной философии // Вестник Российского философского общества. 2021. № 3–4 (97–98). С. 19–31. <https://doi.org/10.21146/1606-6251-2021-3/4-19-31>.
5. Борисов С.Н., Римский В.П. Тертуллиан, медиа и трансгуманизм: онтология свободы и антропология насилия в постсекулярном мире // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2013. № 2 (145). С. 5–17.
6. Гусейнов А.А., Резник Ю.М. Профессиональное кредо. Этика философа (в порядке диалога) // Личность. Культура. Общество. 2012. Т. XIV. Вып. 4 (№ 75–76). С. 233–245.
7. Лившиц Р.Л. Имитация науки. Полемические заметки. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2021. 378 с.
8. Максимов А.М. Свобода как противоречие самобытия и инобытия: монография. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998. 200 с.
9. Многомерность свободы / Д. В. Пивоваров [и др.] // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2015. № 4. С. 90–97.
10. Прокофьев А.В. Этический кодекс академического сообщества: параллельный опыт разработки // Ведомости прикладной этики. 2009. № 34. С. 96–113.
11. Розов М.А. Философия без сообщества // Вопросы философии. 1988. № 8. С. 23–38.
12. American Mathematical Society. Policy Statement on Ethical Guidelines. URL: <http://www.ams.org/secretary/ethics.html> (accessed: 20.03.2021) (In Eng.).
13. American Psychological Association. Five principles for research ethics. URL: <https://www.apa.org/monitor/jan03/principles> (accessed: 20.03.2021) (In Eng.).

14. American Philosophical Association. Code of Conduct. URL: <https://www.apaonline.org/page/codeofconduct> (accessed: 20.03.2021) (In Eng.).
15. Code of Ethics and Policies and Procedures of the ASA Committee on Professional Ethics. URL: <https://www.asanet.org/about/governance-and-leadership/code-ethics> (accessed: 20.03.2021) (In Eng.).
16. NSPE Code of Ethics for Engineers. URL: <http://www.nspe.org/Ethics/CodeofEthics/index.html> (accessed: 20.03.2021).
17. NCPH Code of Ethics and Professional Conduct. URL: <https://ncph.org/about/governance-committees/code-of-ethics-and-professional-conduct/> (accessed: 20.03.2021) (In Eng.).
18. Singapore Statement on Research Integrity. URL: <https://wcrif.org/guidance/singapore-statement> (accessed: 20.03.2021) (In Eng.).

PHILOSOPHER'S CODE OF ETHICS: PRO ET CONTRA

**I.A. Belyaev¹, B.V. Markov², G.L. Tulchinsky³, A.M. Maksimov⁴,
S.N. Nekrasov^{5,6}, R.L. Livshits⁷, V.A. Bazhanov⁸, R.G. Apresyan⁹**

¹Orenburg State University, Orenburg

²Saint Petersburg State University, Saint Petersburg

³National Research University «Higher school of Economics», Saint Petersburg

⁴Orenburg State Agrarian University, Orenburg

⁵Ural State Agrarian University, Yekaterinburg

⁶Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Yekaterinburg

⁷Amur State University of Humanities and Pedagogy, Komsomolsk-on-Amur

⁸Ulyanovsk State University, Ulyanovsk

⁹Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow

The panel discussion touches upon such topics as the necessity and the possibility of codifying the ethical regulation of various aspects of philosophers' professional activities. I. A. Belyaev states the existence of the situation when social imitation profoundly integrates the area of philosophy and claims it to be principally unacceptable. He believes an important condition of changing that situation to be development and introduction of a written statement, which can ethically regulate all the professional activities to the philosophers' community. B.V. Markov introduces and unfolds an idea of morality possibly being a cause of conflict. Analysing various aspects of ethical and legal regulations of interpersonal interaction, he points out the difficulties of this process and the demand of its participants for the corresponding norms. G.L. Tulchinsky disputes the idea of the philosopher's code of ethics. Regarding this idea as an erratic one, he explains that, on the one hand, philosophers, looking for the answers to the ultimate questions of genesis, have no need in such a code; while on the other hand, according to his views, in the area of schoolmen in philosophy the corresponding codes are already introduced and integrated. A.M. Maksimov focuses his attention on the ethical measure for philosophers' freedom. Pointing out the obligation to base upon moral standards, he emphasises the invariability

of their codification. S.N. Nekrasov in his inquisition accentuates the relevance of class-oriented materialistic philosophy of Marxism. He believes the base of the demanded philosophers' code of ethics to be the calling of philosophy to overcome the present and to be dissolved in the future. R.L. Livshits presents the importance of understanding «who really is who in the philosophers' community». Claiming the necessity of codifying the ethical norms, regulating the activities of the philosophers' community, he expresses a number of practical considerations in this regard. V.A. Bazhanov positions himself as a supporter of codifying the ethical norms as applied to the professional activities of philosophers. Analysing the specifications of these activities in the due aspects, he demonstrates the ethical saturation of its selected constituents. R.G. Apresyan believes that the idea of the philosopher's code of ethics is meaningless and harmful. Being assured that the area of philosophy has no issues whatsoever that can be considered commonly academic, he states that this fact disallows the question of the discussed code.

Keywords: *academic ethics, code of ethics, conflict, freedom, morals, responsibility, social imitation, philosophy, philosopher, philosophers' community.*

Сведения об авторах:

БЕЛЯЕВ Игорь Александрович – доцент, доктор философских наук, профессор кафедры философии, культурологии и социологии, ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет», г. Оренбург, Россия. SPIN-код: 8918-7755, e-mail: igorbelyaev@list.ru. ORCID ID 0000-0003-4072-2342, Researcher ID E-7026-2016.

МАРКОВ Борис Васильевич – профессор, доктор философских наук, профессор кафедры философской антропологии, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», г. Санкт-Петербург, Россия. SPIN-код: 1782-7049, e-mail: b.markov@spbu.ru. Researcher ID N-3706-2013, ORCID ID 0000-0003-3755-6742.

ТУЛЬЧИНСКИЙ Григорий Львович – профессор, доктор философских наук, профессор департамента государственного администрирования, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Санкт-Петербург, Россия. SPIN-код: 9081-4712, e-mail: gtul@mail.ru. ORCID ID 0000-0002-5820-7333.

МАКСИМОВ Александр Михайлович – профессор, доктор философских наук, профессор кафедры английского языка и гуманитарных дисциплин, ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный аграрный университет», г. Оренбург, Россия. SPIN-код: 2132-5203, e-mail: maksimov_a_m@mail.ru

НЕКРАСОВ Станислав Николаевич – профессор, доктор философских наук, профессор кафедры философии, ФГБОУ ВО «Уральский государственный аграрный университет», г. Екатеринбург, Россия; профессор кафедры культурологии и дизайна, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», г. Екатеринбург, Россия. SPIN-код: 8177-2761, e-mail: nekrasov-ural@yandex.ru

ЛИВШИЦ Рудольф Львович – профессор, доктор философских наук, профессор кафедры истории, философии и права, ФГБОУ ВО «Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет», г. Комсомольск-на-Амуре, Россия. SPIN-код: 3816-1368, e-mail: rudliv@yandex.ru

БАЖАНОВ Валентин Александрович – профессор, доктор философских наук, заведующий кафедрой философии, ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет», г. Ульяновск, Россия. SPIN-код: 2644-7587, e-mail: vbazhanov@yandex.ru. ORCID ID 0000-0002-0336-9570, Researcher ID M-8503-2014.

АПРЕСЯН Рубен Грантович – профессор, доктор философских наук, руководитель сектора этики, ФГБУН Институт философии Российской академии наук, г. Москва, Россия. SPIN-код: 8124-0529, e-mail: apressyan@mail.ru. Researcher ID R-9079-2017, ORCID ID 0000-0002-2473-3909.

About the authors:

BELYAEV Igor Aleksandrovich – assistant professor, PhD (Philosophy), professor of the department of philosophy, culturology and sociology, Orenburg State University, Orenburg, Russia. SPIN-code: 8918-7755, e-mail: igorbelyaev@list.ru. ORCID ID 0000-0003-4072-2342, Researcher ID E-7026-2016.

MARKOV Boris Vasilievich – professor, PhD (Philosophy), professor of the department of philosophical anthropology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia. SPIN-code: 1782-7049, e-mail: b.markov@spbu.ru. Researcher ID N-3706-2013, ORCID ID 0000-0003-3755-6742.

TULCHINSKY Grigory Lvovich – professor, PhD (Philosophy), professor of the department of public administration, National Research University «Higher school of Economics», Saint Petersburg, Russia. SPIN-code: 9081-4712, e-mail: gtul@mail.ru. ORCID ID 0000-0002-5820-7333.

MAKSIMOV Aleksandr Mikhailovich – professor, PhD (Philosophy), professor of the department of English and humanities, Orenburg State Agrarian University, Orenburg, Russia. SPIN-code: 2132-5203, e-mail: maksimov_a_m@mail.ru

NEKRASOV Stanislav Nikolayevich – professor, PhD (Philosophy), professor of the department of philosophy, Ural State Agrarian University, Yekaterinburg, Russia; professor of the department of culturology and design, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia. SPIN-code: 8177-2761, e-mail: nekrasov-ural@yandex.ru

LIVSHITS Rudolf Lvovich – professor, PhD (Philosophy), professor of the department of history, philosophy and law, Amur State University of Humanities and Pedagogy, Komsomolsk-on-Amur, Russia. SPIN-code: 3816-1368, e-mail: rudliv@yandex.ru

BAZHANOV Valentin Aleksandrovich – professor, PhD (Philosophy), head of the department of philosophy, Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russia. SPIN-code: 2644-7587, e-mail: vbazhanov@yandex.ru. Researcher ID M-8503-2014, ORCID ID 0000-0002-0336-9570.

APRESYAN Ruben Grantovich – professor, PhD (Philosophy), head of the ethics sector, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. SPIN-code: 8124-0529, e-mail: apressyan@mail.ru. Researcher ID R-9079-2017, ORCID ID 0000-0002-2473-3909.